

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

Русские журналы. В. Г. Белинский

В нашей журналистике с началом нынешнего года произошло столько перемен, что 1839 год должен составить эпоху в ее летописях. Явились два новые журнала; {1} некоторые старые изменились {2}. К последней новости относятся и беспрестанные обзоры своих собратий {3}. Мы первые довольно уже начитались разных отзывов и суждений о самих себе, мы, которые ни о ком не судили. Думаем, что правила приличия и вежливости требуют, чтобы мы за внимание заплатили вниманием и не остались в долгу, особенно у почтенного и маститого «Сына отечества», который так скромно и так любезно приветствовал нас своим немного дрожащим от старости и от небольшой досады (вследствие старости же) голосом... {4} «Галатее» – дама и красавица {5} – от нее мы отделаемся несколькими комплиментами и любезностями; а «Сыну отечества»... Но начнем по порядку и не забудем и прочих журналов. С кого же начать? – Мы не будем долго думать и начнем – с «Современника», потому что ни один журнал не читаем мы с таким удовольствием, ни один журнал так высоко не ценим, как «Современник». Читатели «Наблюдателя» еще с прошлого года находили в нем постоянно самые подробные отчеты о каждой книжке «Современника». Но эти отчеты доселе помещались в «Литературной хронике», где не должны иметь место повременные издания; но теперь мы решились почаще заглядывать в область журналистики, и обзоры «Современника» будут уже в этом отделении, которое, не составляя особого отделения журнала, будет как бы заключением «Литературной хроники».

«Современник» всегда богат хорошими оригинальными статьями – обстоятельство, которое дает этому журналу высокую цену. Первая книжка за нынешний год, составляющая тринадцатый том издания, особенно богата хорошими оригинальными статьями. Пересмотрим их по порядку. Первая – «Знакомство с Рунебергом» г. Я. Грота содержит любопытные подробности об одном из знаменитых современных поэтов и литераторов шведских – Рунеберге и о шведской литературе. Статья эта – отрывок из путешествия по Финляндии, отрывок, возбуждающий живейшее желание прочесть путешествие, изданное вполне. Пропуская «Разбор новых книг», переходим к статье «Отрывки из истории партизанов Пиренейского полуострова» г. Н. Неведомского, к статье превосходной и по содержанию и по изложению, давно возбуждившей в нас живое внимание и еще живейшее желание прочесть в целом сочинение, из которого она отрывок {6}. «Сын отечества» называет эту статью «набором слов, где есть все – и Андалузия, и Алгамбра, и инквизиция, и мавры, и Гвадалквивир, и романсы, только нет того, что обещает заглавие статьи» {7}. Чтобы показать нашим читателям, как верен вкус у редактора «Сына отечества», выписываем из статьи первую попавшуюся нам на глаза страницу:

При первом известии об отречении Фердинанда VII, Испания вспыхнула, как страсти на Востоке, чуждые постепенности и границ, – и совершила восстание так единодушно и одновременно, как при звуке тревоги европейские войска вскакивают с бивака. Это сравнение тем вернее, что испанцы взяли за оружие, не спрашивая, достанет ли у них силы для нападения или для обороны? как в европейском войске напрасно искать того, кто первый по звуку тревоги стал на свое место, так в испанских деревнях напрасно искать того, кто первый вскричал: «Да здравствует Фердинанд VII! смерть французам!» Выражение: «Испания восстала как один человек» останется классическим в истории – но будет не полно: ибо Испания восстала, как один человек, мучимый тем лихорадочным нетерпением, при котором время стоит, а думы жгут. Положение народа спокойное, но грозное, не терпящее ни отлагательства, ни противоречия, уняло с первых дней восстания происки людей, хотевших остановить восстание из страха, из личных выгод или в надежде лучшего управления при новой династии. «Мы осраим себя, если признаем королем Иосифа», – твердили испанцы, полные народной гордости. Вскормленные матерями, не допускаящими их к груди без крестного знамения, кропившими их пеленки святою водою, испанцы говорили: «Еще при Дон Пелагио мадона приняла Испанию под свое покровительство: и мы оставим без защиты ее образа блестящие испанским золотом, ее статую в одеждах, сшитых испанками, оставим в то время, когда мадона в Кавадонгской пещере проливает крупные слезы; когда в Монсеррате венок из свежих цветов на голове мадоны превратился в черный!.. Мученики вознеслись на небо из-под рук палачей, из зубов зверей римского цирка; святые с помоста монастырских келий; дети испанцев возносятся на небо с материнских колен – мы вознесем с поля сражения, покрытые кровию французов, как мученики пылью римского цирка, как наши дети слезами матерей!..»

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Неужели это пустой набор слов без смысла, как в критике или рецензии иного журнала, а не пламенная, живая импровизация?..

Критическая статья «Шекспир» очень интересна по своему содержанию и хорошо составлена{8}.

«Картина Бразилии» – статья прелюбопытная по фактам о мало или почти неизвестной у нас стране мира и по прекрасному, живому изложению.

За этими статьями следует собственно изящная словесность. Прочтя с удовольствием «Два рассказа, или Болгарка и подолянка»[1], очень милый, но несколько растянутый рассказ В. Луганского, вы переходите к «Городу без имени», прекрасной, полной мысли и жизни фантазии князя Одоевского. В этой фантазии (иначе мы не умеем назвать прекрасного произведения кн. Одоевского) с силою и энергией показана вся пошлость и безнравственность одностороннего взгляда на развитие народов и государств, вследствие которого основой, двигателем и целью их жизни и стремления должна быть только польза{9}. «Праздник мертвецов» – перевод с малороссийского наречия на русский язык одного из милых юмористических рассказов талантливого Грицка Основьяненка.

В отделении стихотворений остановимся на «Новой сцене из «Бориса Годунова»», чтобы сказать, что этот небольшой отрывок блестит всею лучезарностью творческого гения Пушкина и что мы не понимаем, почему великий мастер исключил его из целого произведения{10}. «Путешественнику», стихи четырнадцатилетнего Пушкина, интересны как факт – не больше{11}.

Перелистав с читателями первую книжку «Современника», приглашаем их перелистать с нами три первые книжки «Библиотеки для чтения» и просим их не пугаться тяжести труда – мы намерены совершить его на ходу.

Может быть, многие ждут уже от нас брани, насмешек, нападок, потому что мы заговорили о «Библиотеке для чтения»; напрасные ожидания! Наши литературные мнения чужды всякой личности, всех отношений, требующих, для своей ясности, особенных домашних комментариев. Для нас равны – и «Библиотека для чтения», и «Сын отечества», и «Отечественные записки», и «Северная пчела». Нам не нравится направление «Библиотеки для чтения», но нам нравится, что в ней есть направление – качество, принадлежащее не всем нашим журналам; мы не разделяем мнений «Библиотеки для чтения» и даже не любим их, но мы любим ее за то, что у ней есть мнения, которые есть не у всех наших журналов{12}. Об аккуратности издания этого журнала, равно как и о том, что он умеет угодить своим читателям, – нечего и говорить, а это – согласитесь, два важные качества в журнале. Итак, да здравствует «Библиотека для чтения» и да не упрекает она нас в пристрастии, злобе и ожесточении к себе!.. После этого приступа, который мы считали необходимым, приступим к самому делу.

Первое отделение в «Библиотеке для чтения» – «Русская словесность» – название немного неверное, потому что предмет и прочих всех отделений тоже – русская словесность. Отделение «Русской словесности» в «Библиотеке для чтения» всегда начинается стихотворениями. По причине стихотворного бесплодия в современной русской литературе, это отделение «Библиотеки» всегда было крайне слабо. Г-н Тимофеев – всегдашний и неутомимый поставщик для этого отделения, – можно судить, каково оно! Вдруг в трех книжках «Библиотеки для чтения» за нынешний год явилось одиннадцать прекрасных, поэтических стихотворений. Это было загадкой для многих – только не для нас. Автор этих прекрасных стихотворений – г. Красов. У нас была тетрадь его стихов (единственный экземпляр), и мы были уполномочены поэтом брать из нее, что нам угодно. Вследствие этого в «Наблюдателе» еще за прошлый год помещено было несколько стихотворений г. Красова – остальные дожидались своей очереди. Вдруг редакция «Наблюдателя» потеряла эту тетрадь, единственный список стихотворений, писанных в продолжение нескольких лет. Вероятно, тот, кому тетрадь попала в руки, переслал ее в редакцию «Библиотеки»{13}, – и мы очень рады, что прекрасные стихотворения любимого и уважаемого нами поэта, утраченные для нас, не утратились для публики. На тетради в самом деле не было выставлено имени автора, – и потому в I № «Библиотеки» – «Элегия» (стихотворение, напечатанное, кажется, еще в «Телескопе» за 1835 год), «Сон» (нигде не напечатанное стихотворение) и «Песня» (напечатанная в I № «Наблюдателя» за прошлый год) явились с именем г. Бернета{14}. Во II № «Библиотеки» – «Элегия» и три «Песни», из которых последняя была напечатана в V № «Наблюдателя», явились уже совсем без имени, с примечанием редакции о

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
получении тетради. Что же касается до трех стихотворений, напечатанных в III № «Библиотеки для чтения» с именем г. Красова, то они взяты не из тетради, а присланы в редакцию этого журнала самим автором, который, досадуя на долговременное непомещение своих стихотворений, прислал их к нам, вследствие чего прекрасная элегия «Когда порой свободный от трудов» помещена была еще в X № «Наблюдателя» за прошлый год{15}. Из примечания редакции «Библиотеки» в III № видно, что тетрадь вся; жаль – значит часть ее утрачена, потому что мы помним там много прекрасных стихотворений, особенно одно, называющееся «Клара Моврай»{16}.

Теперь заглянем в прозаическое отделение «Русской словесности». «Альпийские виды» – интересный очерк г. Фролова. «Малороссийская лень» г. Бабака – довольно занимательный очерк малороссийского быта. – «Николай Сапега», повесть г. Константинова, принадлежит к числу очень хороших журнальных повестей. За нею следует «Иван Рябов, рыбак архангелогородский» – драматический анекдот г. Кукольника, превосходное в своем роде произведение. Особенное достоинство этого нового произведения неистощимого пера г. Кукольника составляет народный язык, доведенный до крайнего совершенства, и что особенно-то и важно – под русскую простонародную речь таится русский простонародный ум, русская душа{17}. Мы не можем отказать себе в удовольствии выписать одного места: вот рассказ матроса о том, как он спас Петра Великого в бурю на Белом море.

АНТИП. Я милости твоей доложу, что Антип – первый архангелогородский лоцман, человек бывалый; нашему брату, стало быть, какое ни есть море – перина; валяешься, сколько душе угодно, сойти не хочется; бывало и такое, что целый год одежды просушить не успеешь; милость ваша сумлеваться изволишь, а я доложу о себе, что мне, старику, нахвасть говорить не приходится. А на ту пору и меня припугнуло, совсем бы обробел, кабы с нами государя не было. Ну, а тут сам рассудить изволишь: у меня на руках сам государь; оплошать тройной грех! Дело-то у меня, что у доброго мужа жена – по шелковинке ходит; другой бы раз я на эту погоду плюнул, а тут нельзя; государь-то... у меня государь и преосвященный Афонасий, и всякия набольшия начальства с Питербурха; нельзя; страх, стало быть, вот как кошка скребет; четыре глаза во лбу; как сова всё вижу; голос-то со страху стал больше царского. Он, знаешь, сам большой мастер нашинского дела; на других-то морях он хозяин; ну, а нашо-то Белое к нему еще не попривыкло. Разыгралось, расходилось, а мы только что вышли в Унскую губу; тут, стало быть, ветру простор; гору поднимает, пустит, да за нею другую вдогонку, да еще больше, да еще страшнее, да курчавее; а яхта через них-то, что через рвы, так и прыгает; знай только угадывай, чтобы гора-то яхте поклонилась. Потеха!

ОМЕЛЬКА. Хороша потеха! У тебя, Антип, видно, уж такой рыбий норев к морю; а не углядишь, так и поминай как звали.

АНТИП. Да что! правда и такое бывало, нече греха таить, промахнешься, вал-то гребешком и заденет... Мне нипочем, а ему-то сначала нипочем, да ветер крепчает, морю больно жарко; темь такая, что зги не видно, ытели попрятались, небо ушло; царь-то начал тут приставать: «Антип да Антип! лоцман да лоцман!» Я все молчу, да знай правлю, да думаю: «Стара шутка! Гневить тебя, государь, ответами не стану, а ты у меня на руках, у одного у меня на руках, а я на Белом-то больше твоего смыслю. Казни после за вину, да мне-то жизнь нипочем, а тебя, моего батюшку, не выдам». Государь больно осердчал; бежит на меня, да за рупор; я не выдержал, да и кричу: «Не замай!» Государь пуще прежнего; не стало моей мочи, я перекрестился да, ни жив, ни мертв, холопской моей рукою хватить его за руку, да и прикрикнул: «Поди, пожалуй, прочь, я больше твоего знаю и ведаю, куда правлю».

ОМЕЛЬКА. Ахти, господи, Антип Мироныч! Как же это ты так небережно облолзился?

АНТИП. Сказал, батюшка! сказал, ей-богу, сказал, да и одурел со страху и жду сам не знаю чего...

Дальше не выписываем и за выписанное просим извинения у почтенного автора: впрочем: грех пополам, вольно же ему так хорошо писать...

«Маскарад», бойко и резво написанный рассказ, – легкий очерк большого света{18}. В нем играет важную роль какой-то поэт Н-н, по имени Александр Сергеевич, который, когда его маска называет Алеко и намекает ему о Кавказе и Бессарабии, принимает это за намеки на свои сочинения... Но это еще ничего... Странно, что этот Н-н, приехав с маскарада домой, «скинул фрак, придвинул свечу, опустил перо в чернильницу, потер рукой по лбу, зевнул{19} и написал шестую строку «Бородинской годовщины», и лег спать». Это что-то похужее – как бы сказать? – на плоскость, слишком неуместную и для многих оскорбительную...

Вообще, отделение «Русской словесности» в первых трех книжках хоть куда. В

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
отделении «Иностранной словесности» нашли мы довольно интересную окурительную повесть «Кальдерон» (Большера) и превосходную повесть Марркета «Черт-собака». Мастерская обрисовка характеров, ловко завязанная и развязанная интрига, чудесный рассказ – вот достоинства этой повести. Местами пошлость чувствований, тривьяльный взгляд на вещи, сальность выражения – вот ее недостатки, вероятно, сообщенные ей переводом. «Сельский хозяин», комедия принцессы Амалии саксонской, – маленькая нравоучительная пьеска, которой приличней быть помещенной в детском, нежели в учено-литературном журнале, издаваемом для взрослых.

В отделении «Наук и художеств» 1-го № помещена огромная статья г. Куторги «Естественная история наливочных животных», статья интересная по содержанию и хорошо изложенная, но по своей огромности совсем не журнальная. «Григорий VII» – чрезвычайно интересная историческая статья. «Науки, художества и искусства [2] в древней Индии»{20} – статья г. Менцова, заключающая в себе несколько любопытных фактов, изложенных без всякого взгляда, без всякой мысли. «Елисавета и Анна, королевы английские» – интересная по содержанию, но сбивчивая и темная, по отсутствию мысли, статья. «Обращения соков в растениях» – статья, посвященная слишком частному предмету. Об отделении «Промышленности и сельского хозяйства», как о предмете, совершенно нас чуждом, мы не судим. «Критика» в «Библиотеке» обыкновенно состоит из выписок из рассматриваемых сочинений, выписок, к которым приделано несколько личных мнений, ни на чем, кроме произвола редактора, не основанных и ничем, кроме его острот и шуток, не подкрепленных. Направление этой «критики», как и всего журнала, – вражда против умозрения, против мысли и распространение положительных, опытных, наглядных и рутинных понятий в науке и искусстве. Например: в III № помещена критика по поводу книг: «Русская история», г. Устрялова. – «Деяния Петра Великого», Голикова. – «О княжестве Литовском. Какое место в русской истории должно занимать княжество литовское?», г. Устрялова. В этой статье, которая почему-то названа критикою, тогда как она есть только сбор произвольных и притом устарелых мнений об истории, несмотря на величие такого предмета, как Петр Великий, холодно, апатически изложенных, в этой статье нападают на мысль об историческом развитии человечества, как стремлении к совершенствованию, и вместо совершенствования полагают стремление к умножению физических и умственных наслаждений: мысль энциклопедистов XVIII века!.. Впрочем, в этой статье мы встретили очень дельную мысль, особенно важную, как опровержение нелепости, распространяемой поверхностными мыслителями, вот она: «Что такое Россия в отношении к человечеству? – Этот вопрос мы уступаем мнимым мыслителям, которым дельфийский оракул открыл своим загадочным словом, что России предоставлено быть обновительницею дряхлого Запада, внести туда новый элемент и что призвание ее такое же, как призвание германцев и норманнов в средних веках. Незавидна была бы судьба России быть обновительницею Запада, который, сказать мимоходом, вовсе не стареет. Мы принимаем Россию за отдельный мир, по величине равный Европе, и видим, напротив того, что Европа обновляет Россию»{21}. Умно и справедливо!

Отделение «Смеси» в «Библиотеке для чтения» по-прежнему свежо и интересно, но уж чересчур однообразно, потому что исключительно посвящается открытиям и новостям по части естествознания. Отделение «Литературной летописи» становится все короче и суше: отсутствие веселости, остроумия, прежних милых шуточек, от которых все животы надрывали, показывает какое-то утомление, усталость.

Теперь еще одно замечание – о языке «Библиотеки для чтения», он нередко грешит против живого русского языка, обличая в редакторе иноплеменника. Например: «Охотно бы позволил себя сколоть и стерзать, чтобы только убедиться, что я не сплю». Сколоть и стерзать!.. «Я расскажу тебе после большой смех» – по-каковски это?.. «Слеза благодарности, которая ЖГЕТ меня под маской»{22} – жгет, пекет, бегет: так говорится разве по финскому произношению, а по московскому или – что все одно и то же – по великорусскому говорится: жжет, печет, бежит...

Несмотря на то, «Библиотека для чтения» все-таки интересный и охотно, с удовольствием читаемый журнал: в этом-то и заключается причина его необыкновенного успеха.

Теперь обратимся к «Сыну отечества» и «Отечественным запискам»{23}.

<Продолжение>

Увы! на жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,

По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им во след идут...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас.
Пушкин{24}
Что старина, то и деянье!
Кирша Данилов{25}
Благословите, братцы, правду сказать.
«Сын отечества»{26}

В прошедшей книжке «Наблюдателя», при разборе журналов, мы остановились на «Сыне отечества». Не станем писать истории этого маститого журнала, догоняющего или перегоняющего своими годами «Вестник Европы» блаженной памяти;{27} скажем только, что, после многочисленных и неудачных попыток к возрождению и обновлению, он перешел наконец в руки человека, первого именем своим в русской журналистике{28}. Не говоря уже о перемене в плане журнала, из недельника превратившегося, по примеру «Библиотеки для чтения», в месячник{29}, – сколько надежд было возложено публикою на этот журнал, подпавший под редакцию знаменитого, талантливое и многостороннего редактора. Поговаривали было уже, что «Библиотеке для чтения» приходит конец, что вот наконец-то явится журнал, который даст нам критику беспристрастную, благородную, независимую, основанную на твердых началах науки изящного, в ее современном состоянии; журнал, который, как на ладони, будет показывать нам современную Европу со стороны ее умственной деятельности и духовного развития. Ждали, кричали – кричали и ждали, и – дождались...

«Сын отечества» сделался собственностью г. Смирдина, следовательно, имел все материальные средства к наружному достоинству, своевременному выходу книжек и улучшению даже внутреннего содержания, чрез приглашение к участию русских писателей, пользующихся заслуженным авторитетом. Имя редактора ручалось за превосходный выбор статей, за превосходную критику и за многое превосходное... Но не все надежды сбываются... Во-первых, «Сын отечества» стал отставать, так что последняя книжка его за прошлый год вышла в нынешнем; «Сын отечества» явился с самой скромной наружностью – на серенькой бумажке, слепо и некрасиво напечатанный...

Но еще поразительнее внутренняя сторона «Сына отечества». Под критику он стал разуметь библиографические отзывы о книжках, или рецензии, и потом французские статьи о предметах искусства. В рецензиях была выговорена правда несколькими плохим книжонкам, но главные усилия направлены – во-первых, против людей, которые, по слепоте своей, видели в «Сыне отечества» не журнальное светило, а какое-то тусклое пятно, знаменующее затмение на горизонте нашей журналистики;{30} во-вторых, против людей, которые, по закону давности, совершенно забыли «Московский телеграф» и смеялись над повторением устарелых понятий; в-третьих, противу людей, которые осмеливались видеть в г. Лажечникове даровитого писателя, а не безграмотного писака, а прекрасные романы его ставить выше романов г. Полевого{31}. Что касается до критик, переводимых в «Сыне отечества» с французского, – то очень трудно определить их сущность и цель. Или уже такова организация нашего духа, или в самом деле французы в этом виноваты, но только для нас решительно недоступна ясность французских статей. Прочтя французскую статью со всевозможным напряженным вниманием, мы всегда спрашиваем себя: да о чем же хлопочет сей господин или – другими словами –

Да из чего ж беснуетесь вы столько?{32}

По нашему мнению, только та статья хороша, в которой развита какая-нибудь мысль и в которой каждая мысль, являясь в живом слове, теряет свою скелетную отвлеченность и переходит в объективное представление. Прочтя такую статью, можно иногда не согласиться с ее основаниями, но всегда можно сказать, какая развита в ней мысль, как она развита (то есть весь ее диалектический ход), и потому ее можно всегда помнить. Кажется, что против этой мысли, столь же простой, сколько и истинной, никто спорить не станет. Теперь приглашаем, не угодно ли кому-нибудь для пробы пересказать содержание хоть статьи Филарета Шаля «Нынешняя английская словесность», помещенной в 3 книжке «Сына отечества» за нынешний год? В этой статье говорится и о Шекспире, и о Байроне, и о Вальтере

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Скотте, о Сутее и Вордсворте, но об искусстве не говорится ни слова, а между тем очень много наговорено о машинах, цилиндрах, новейшей цивилизации, пароходах и о прочем, что до искусства не касается. Прочтя статью, вы не обогащаетесь даже ни одним новым фактом о современной английской литературе, – о мысли я уже и не говорю. А между тем это еще самая лучшая французская статья в «Сыне отечества», потому что между так называемыми критиками французскими Филарет Шаль еще отличается против других большим количеством здравого смысла. В прошлом году «Сын отечества» дебютировал двумя французскими статьями, очень дурно переведенными, о Викторе Гюго, кажется, Сен-Бева, и о Ламартине, кажется, Низара{33}. Боже мой, что это за произвольность в понятиях! Ничего не поймешь, ничего не разберешь!

Запели молодцы – кто в лес, кто по дрова!
Дерут, а толку нет!{34}

О том, что называется основаниями науки, – нет и намека. Как же после этого сметь презирать немцев! Говорят, немцы темно пишут. Неправда: что выше нас, то нам темно; но станьте вашим развитием в уровень с немцем – и вы увидите, что он пишет ясно и понятно. А что и у немцев есть темные писаки, потому что у них в голове темно, – это можно доказать из «Сына же отечества»: прочтите в 1 № статью Амедея Вендта «О нынешнем состоянии живописи, ваяния, зодчества и музыки». У немцев критика основана на законах разума, всегда единого и неизменяющегося, на началах науки, сообразно ее современному состоянию. Лессинг, Шиллер, Шлегель и теперешняя дружина молодых гегелистов – Ганц, Ретшер, Бауман, Гете и другие – что такое все эти имена? – Это название периодов развития науки изящного, это название глав в ее истории, потому что, повторяем, в Германии критика развилась исторически, и в ее представителях вы увидите влияние и Канта, и Шеллинга, и Гегеля. По этой причине, если Лессинг, Шиллер и Шлегели теперь не могут быть законодателями вкуса, то их заслуга все-таки не забыта, и их достоинство не унижено: немцы изучают их как исторические лица в науке изящного, чтобы чрез это изучение видеть ход и развитие мысли о творчестве. Напротив того, какое значение могут иметь Лагарпы и Жоффруа, кроме разве как факты коллобродства человеческого рассудка? За что подорожит потомство статейками Жюль-Жанена и статьями Густава Планша, Сен-Бева, Низара, Филарета Шаль? Скажите, какое соотношение между этими людьми, имел ли кто из них влияние на другого, чье имя должно стоять впереди, чье после!.. Нет, они являлись все случайно, мысли их родились случайно, как личные мнения, ни на чем не основанные, ни к чему не привязанные. Их назначение – не быть проводниками новых идей об искусстве, исторически развивающихся; их ремесло – высказывать эфемерный вкус толпы, мнение дня. Я в восторге от «Руслана и Людмилы», а мой лакей без ума от «Еруслана Лазаревича»: мы оба правы, и если бы мой лакей умел написать статью, в которой бы высказал свое личное мнение о высоком достоинстве «Еруслана Лазаревича» и о пошлости поэмы Пушкина, это была бы превосходная критическая статья во французском духе. Я так думаю, мне так кажется – вот основание французской критики. Эта произвольность во мнениях часто доходит до таких нелепостей, которые могут являться только во французской литературе. Недавно один французик, Арнуль Фреми, вздумал написать шуточное письмо к тени Дидерота о том, что драма есть ложный род и не принадлежит к искусству, но что Корнель, Расин, Мольер, Вольтер, Шекспир (какое дикое сближение имен!..) великие люди!!!.. И что же? Редактор «Сына отечества» не только почел нужным перевести оную статью для своего журнала, но и еще, в выноске к ней, глубокомысленно заметил, что «дело стоит того, чтобы над ним подумать»{35}. И потом он же перевел превосходную статью Варнгагена о Пушкине, для показания пошлости современной немецкой критики, и чтобы лучше достичь своей цели, перевел ее ужасным образом...{36} что обо всем этом сказать?..

Теперь вы имеете понятие, какова критика «Сына отечества», то есть, к какому веку, к какому времени она относится и до какой степени принадлежит она нашему времени?..

Теперь мы должны сказать о собственных критических статьях редактора «Сына отечества». Еще в прошлом году изумил он весь русский читающий мир своею статьею о «Курсе словесности» И. И. Давыдова{37}. Очень жалеем, что не имеем ни времени, ни места, ни охоты, ни терпения разобрать эту статью, дивную во статьях. В ней наш критик решительно убивает книгу почтенного профессора, говоря, что она есть не что иное, как «слова, слова, слова»;{38} и вслед за тем строит свою систему словесности, которая именно есть не что иное, как «слова, слова, слова». В нынешнем году почтенный редактор «Сына отечества» размахнулся тремя статьями: «Критические исследования касательно современной русской литературы» – «Мнение о новом правописании г. Лажечникова, в романе его: «Басурман»» – «Вредит ли критика

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
современной русской словесности?» (возражение на статью Н. В. Кукольника){39}.
Общий характер всех этих статей состоит в богатстве слов, бедности мыслей и
апатическом изложении. Г-н Лажечников сделал попытку на реформу русского
правописания, дело не удалось и тем и кончилось; скажите, из чего тут шуметь и
заводить важные споры? Чтобы дать понятие, как спорит г. Полевой об этих важных
предметах, выпишем здесь его спор с г. Краевским о правописании.

Г-н Краевский говорит:

Восстают против слияния предлогов, имеющих в кончании букву ъ, с
существительными именами, и восстают те, которые сами пишут, например: отчасти,
впрочем, кстати, вместо, а не отъ части, къ стати, въ прочем, въ место. Отчего
же? Вероятно, оттого, что эти слова они признают нераздельными, хотя они и
составлены из предлогов и имен. Но эти господа никак не позволяют вам написать:
вследствие, ксожалению, кнесчастию и так далее, не соображая того, что когда
предлог, присоединенный к другому слову, образует с ним другую часть речи, то
отделить его от того слова значит уничтожить значение этой части речи,
происшедшей от соединения предлога с словом. Например, как вы различите без
этого: вследствие закона и – въ следствие это вкралось; впрочем, лежачего не
бьют и – мы видим въ прочем вздоре его сочинений; ксожалению, он не понимает и –
его нахальство приводит меня къ сожалению; взаклучение всего должно бы его
презреть, и – въ заключении его видна сущая нелепость? – Но, нет, мы уже
привыкли так писать, так отцы и деды наши писывали, так и нас учили{40}.

Г-н Полевой отвечает:

Видим, что им вовсе не известно, что слова: кстати, впрочем, вместо суть
наречия, подобные словам: сегодня, завтра, где слиты слова: сего дня, за утра.
Но и слова: вследствие, ксожалению, взаклучение суть наречия: почему же не
сливать их? – кроме того, что СИИ слова, но и куда-нибудь, и может быть, и
отнюдь нет наречия, и самые деепричастия суть наречия (времени и бытия), но
сливать их не должно, ИБО они принимают только смысл наречий, а не составляют
прямых наречий{41}.

Но почему же это так? – спрашиваете вы; не спрашивайте: это навсегда должно
остаться для вас тайною, потому что оно остается тайною и для г. адвоката
старинного правописания.

Курьезнее всех статья «Вредит ли критика современной русской словесности».
Во-первых: вопрос так не мудрен и ясен, что толковать о нем – значит рассуждать
о том, что «науки суть полезны». Мы понимаем, что на подобный вопрос можно
ответить несколькими фразами, вроде следующих: «Дарование, которое можно убить
порицаем, недостойно жить, и чем скорей умрет, тем лучше для литературы,
потому что через это она избавляется от вредного пустоцвета»; но мы решительно
не понимаем, как можно сделать целую статью из решения подобного вопроса, и еще
– как можно назвать такую статью критикою? Неужели критика есть пересыпание из
пустого в порожнее?.. Во-вторых: сколько диковинок и что за диковинки в этой
критике... Истинное вавилонское столпотворение слов без мыслей!.. Не угодно ли
полюбоваться хоть одною диковинкою?

Как ни различны теперь мнения русских критиков, но примеры убедят нас, что в
последнее время каждое, чуть какую-либо надежду подававшее дарование было тотчас
оцениваемо и лелеемо читателями и критикою. Подолинский, Вельтман, Вронченко, гр.
Р-на, Бенедиктов, Якубович, Лермонтов, Ершов, Даль, Панаев (И. И.), Соколовский,
Губер, князь Одоевский, Шевырев, Бороздна, Маркович, Ободовский, барон Розен,
Каменский, Владиславлев, Лажечников, Теплова, вы сами, милый{42} Нестор
Васильевич, даже прасол Кольцов, все вы, принадлежащие к эпохе слепоушкинской,
все, более или менее, но отличенные дарованием бесспорным, не были ль вы все
отличены критикою новейшею? не заслужили ль себе большей или меньшей почетности
и известности? Что же нам еще прикажете делать? – хвалить сряду всех поэтов: г-д
Теплякова, Федосеева, Менцова, Лаголова, Чистякова, Тимофеева, Бернета,
Мызникова, Рудыковского, Чижова, Бахтурина, Лукашевича и пр., и пр., чьи имена
мелькают в журналах? Все они, может быть, умные, ученые, добрые, любезные люди,
но – поэты плохие! Довольно, что их печатают, а притом и похваляют...
Каково? – Имена кн. Одоевского, Лажечникова, Вельтмана, Вронченко – не только на
ряду с именами молодых людей, еще только выступающих на поприще, хотя и подающих
большие надежды, но на ряду с именами г-д Соколовского, Якубовича, Бороздны,
барона Розена, Каменского!.. Хорошо, очень хорошо!.. мы не говорим уже о том,
что г. Тепляков несравненно выше всех этих господ, – как попал с Федосеевыми и
Тимофеевыми г. Бернет, молодой человек с несомненным поэтическим дарованием?..

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
Посмотрим, что дальше:

Да неужели и вас всех, вышеупомянутых, пожаловать прямо в гении? а совесть где? (да, – это вопрос!..) А где ваше оправдание трудами? – И вас, которых мы отличаем от других, неужели хвалить безусловно? никогда! Если Подолинский не оправдал мыслью своих прелестных звуков, если Каменскому (!..) советуют думать об языке при мысли, если князю Одоевскому говорят, что бальзаковская, практическая повесть не его род, если Губеру указывают на неверность его «Фауста», если Лажечникову советуют не вводить реформы в язык без достаточных причин, если Соколовскому говорят, что его духовная поэзия просто ошибка, если Далю сказывают, что он слишком хитрит в своем русизме, если Бенедиктова умоляют (?) пощадить свой звучный стих от изысканности – разве все это нападки, заговор против талантов?{43}
Конец концов – это из рук вон! У г. Каменского есть мысль (!..), да язык дурен, а у г. Подолинского звучен стих, да мысли нет!..

Что вы, о дальние потомки,
Помыслите о наших днях!..{44}
И кто все это пишет теперь!.. О, слава мира сего, как ты ненадежна! Великую правду сказал Наполеон, что от высокого до смешного только шаг{45}.

Но чтобы выставить во всем блеске добросовестность, беспристрастие, благородный тон, хладнокровие, умеренность, уважение к приличию, к чужой личности, соединенные с остроумием и энергией) выражения г. редактора «Сына отечества», выписываем вполне его приветствие «Московскому наблюдателю» – предмет, очень близкий к нашему сердцу{46}.

Мы получили наконец из Москвы первую книжку «Московского наблюдателя». Слухи не обманули нас. «Наблюдатель» выходит с нового года ежемесячно, толстыми книжками. В первой 22 листа. Он делится на семь отделов, обещает словесность, науки, критику, библиографию, русскую и иностранную, и смесь. Кто редактор его – не знаем. Издание принял типографщик Н. С. Степанов, который, по словам «Наблюдателя», «владеет всеми материяльными средствами к внутреннему и внешнему улучшению журнала». – И к внутреннему? Поздравляем добрую и Москву с русским франклином и Ричардсоном, которые также были типографщики. Признаться, мы что-то худо понимаем, что это такое: материяльные средства к внутреннему улучшению? Вероятно, интеллектуальный конкретизм, которым г. Степанов выведет индивидуальное Я «Наблюдателя» в реальное Я = не Я из безусловного абсолютизма, в каком находился он в прошедшем году. Даруй, Гегель, успеха!
Читатели, живущие призрачною жизнью прекраснодушия, извинят нас за непонятный язык. Что делать? С волками надобно выть, по старой пословице.
Оставя шутки, скажем, что в прошедшем году «Наблюдатель» представлял какое-то странное явление. Он явился каким-то вздорливым юношею, а что всего хуже, пустился в философию и при конце года мог сказать:
«О философия! ты срезала меня!..»

Подлинно срезала! Мы упомянули в нашем обозрении русской литературы 1837 года («Сын отечества», кн. I), что не знаем даже, жив или скончался «Наблюдатель»? Он мертв на ту пору был, но в марте, когда оживает вся природа, ожил и он, и первым словом его было грозное восклицание на других:

«Не умер я, благодаря судьбу!..»

Говорила некогда г-жа Простакова о своем супруге, что на него иногда «находит, батюшка, так сказать, столбняк – выпуча глаза стоит, как вкопанный, а как столбняк по пройдет, то занесет такую дичь, что у бога просишь опять столбняка». Почти то же случилось с «Наблюдателем»: занес дичь{47}, забросался во все стороны, заговорил таким языком, что не знали мы: смеяться? жалеть ли? Но то был сильный, кратковременный перелом к лучшему. «Наблюдатель» после того снова умер, не дожидаясь зимы, теперь опять ожил и сделался совсем другой журнал. Осталось от прежнего немножко раздражительности, немножко странности в языке, но какое сравнение с прошлым годом. В первой книжке дарит он нас несколькими хорошими стихами, двумя хорошенькими повестями, очень умною статьею в отделе науки, прекрасным отрывком из путешествия... И этого довольно для книги, если бы остальное и не соответствовало исчисленному нами. Впрочем, и в солнце есть пятна, а «Наблюдатель» не солнце, а разве комета без хвоста...

Не правда ли, что очень любезно – и тон такой благородный?.. Но не ожидайте от меня разделки, какой бы можно было ожидать, по пословице: «Как аукнется, так и откликнется». Во-первых, боже сохрани так откликаться, а во-вторых, я, молодой литератор, не хочу упустить случая, не хочу отказать себе в удовольствии – дать старому, почтенному и знаменитому литератору урок в вежливости и хорошем тоне...

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru

Итак, начинаю... но – что же буду я говорить г. Полевому? неужели читать ему азбучные правила о первых началах общезнания? – Помилуйте, ведь он уже не дитя, не ребенок – напротив, он человек пожилой, что заметно уже и по одному образу его мыслей, не говоря уже об образе выражения...

Нет, вместо урока, я лучше постараюсь защититься от его несправедливых и пристрастных нападок, защищаться вежливо, кротко, но и не слабо, не бессильно...

Что смешного в том, что в программе сказано о Н. С. Степанове, как о человеке, имеющем материальные средства к внешнему и внутреннему улучшению журнала? Из этого отнюдь не следует, чтобы он был Франклином или Ричардсоном: разве А. Ф. Смирдин не способствовал внутреннему достоинству «Библиотеки для чтения», хотя в издании и не принимал никакого участия, кроме издержек? Конечно, один он, с своими материальными средствами, не много бы сделал: доказательством – «Сын отечества»...

Во всем остальном защищаться нечего: смысл и тон нападок г. Полевого – лучшая защита для «Наблюдателя» – и потому мы продолжаем, как начали, рассматривать «Сын отечества».

Важнейшее отделение всякого журнала – критика и библиография; они, можно сказать, душа, жизнь его, потому что в них резче всего выказывается его направление, сила и достоинство. Каковы эти отделения в «Сыне отечества», – вы видели. К довершению нашего очерка прибавляем еще две-три черты. Редактор «Сына отечества» видит в Менцеле великого критика и с великим ликованием объявил, что Менцель разругал новый роман г. Лажечникова и расхвалил г. Булгарина. Эка важность! Менцель ругал самого Гете, и вообще он такой критик, ругательством которого можно гордиться{48}. Потом, редактор «Сына отечества» откровенно признался, что он не понимает «Каменного гостя» Пушкина, но что восхищается гладкостью стиха...{49} Удивителен ли после этого приговор статье Варнгагена?.. Увы!.. O bon vieux temps!.. [3]

Отделение стихотворений «Сына отечества» всегда соперничало с тем же отделением в «Библиотеке для чтения», и потому в нем много очень прекрасных стихотворений, особенно тем примечательных, что их можно читать и сверху вниз, и снизу вверх... В этом отношении особенно хороши стихотворения г. Сушкова... Впрочем, случайно, прошлого года, попало в «Сын отечества» несколько превосходных стихотворений Кольцова. Не знаем как, но только между именами г-д Стромиллова, Некрасова, Сушкова, Гогниева, Банникова, Нахтигалья и многих иных попадалось иногда и имя г. Струговщикова, подписанное под прекрасными переводами из Гете. Да был еще напечатан в «Сыне отечества» первый акт из «Ромео и Юлии», перевод г. Каткова. Этот первый акт был отослан г. Полевому еще прежде, нежели вышла первая книжка «Сына отечества» прошлого года, но в помещении перевода было отказано – по причине его крайнего несовершенства. Но, господа, в год много воды утечет, а человеческому совершенству нет пределов: перевод ровно через год был помещен, без позволения переводчика, который совсем не желает быть в каких бы то ни было отношениях с «Сыном отечества», и к крайнему его сожалению, потому что, недовольный своим переводом, он совершенно вновь перевел весь первый акт{50}.

В трех книжках «Сына отечества» за нынешний год из стихотворений заслуживают внимание только три «Римские элегии» из Гете, переведенные г. Струговщиковым. Остальное не стоит упоминания.

Прозаическая часть словесности в «Сыне отечества» очень хороша. Если «Иголкин» самого редактора и «Свидетель» Одоевского – вялы и скучны, каждый по-своему, зато вознаградит вас вполне прекрасная, полная души и мысли повесть г. Вельтмана «Радой». С наслаждением также прочтете и прекрасную повесть г-жи Жуковой «Самоотвержение». Переводные повести все хороши по выбору и хорошо переведены.

Из статей ученого содержания примечательны статьи г-д Врангеля, отца Иакинфа, В. Давыдова, Корсакова. Чрезвычайно интересны «Записки герцога Де-Лириа-Бервика, бывшего испанским послом при российском дворе».

Отделение современной истории интересно по содержанию, а не по изложению. Вообще, все касающееся собственно до России, гораздо лучше, подробнее и занимательнее излагается в «Отечественных записках», нежели в «Сыне отечества».

Желая быть беспристрастным не на словах, а на самом деле, мы не скрыли от наших

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru читателей, что в «Сыне отечества» есть много прекрасных статей. Но что в этом? – журнал, будучи сборником хороших статей, должен быть еще и журналом – то есть иметь свое направление, свой характер, словом, быть выразителем своей мысли. В этом отношении «Библиотека для чтения» – лучший пример: все ее статьи не только в одном духе, до даже и пишутся одним языком, одним слогом, потому что сглаживаются одною рукою. Это обстоятельство может быть неприятно для тех писателей, которые принуждены были силою обстоятельств покориться такому усовершенствованию, но для журнала это большая выгода, давая единство его духу. Нельзя сказать, чтобы «Сын отечества» не стремился, с своей стороны, к этому единству: но, как бы сбившись с пути, он беспрестанно противоречит сам себе: начинает статьи – и не оканчивает: дает обещание поговорить о том и о сем – и не выполняет; то хочет унижить Гоголя (по причинам очень важным и очень извинительным), то приторно его похваливает; то как будто делает настоящую оценку Марлинскому, то, вспомнив его обязательную статейку о «Клятве при гробе господнем», снова приходит от него в обязательный восторг{51}. Мы думаем, что драмы и водевили много мешают самоцветности «Сына отечества», отнимая у него время заняться самим собою{52}. Впрочем, «Сын отечества» выражает свою идею: он отстаивает старое против нового, начиная от гениальности Расина до русской орфографии...

Остановимся на этом предмете, грустном и вместе поучительном...{53}

В самом деле, не странное ли зрелище представляет собою человек, который с силою, энергиею, одушевлением, вооруженный смелостию и дарованием, явился на литературном поприще рьяным поборником нового и могучим противником старого; а сходит с поприща, на котором подвизался с таким блеском, с такою славою и таким успехом, сходит с него – противником всего нового и защитником всего старого?.. Не господин ли Полевой первый убил на Руси авторитет Корнелей и Расинов, – и не он ли теперь благоговеет пред их мишурным величием?.. Чего доброго, может быть, мы еще дождемся умильных статей, где будет доказываться величие Тредьяковского, Сумарокова, Хераскова?.. Не господин ли Полевой первый приветствовал Пушкина первым и великим русским поэтом, – и не он ли теперь, один из всех журналистов, не понимает одного из самых колоссальных его произведений – «Каменного гостя»?.. Не господин ли Полевой первый был у нас гонителем литературного безвкусица, вычурности, натянутости, – и не он ли теперь в восторге не только от Марлинского, но даже и от г. Каменского?..{54} Мы не ставим г. Полевому в вину того, что он не понял Гоголя и восход нового великого светила приветствовал неприличною бранью: {55} г. Полевой и не мог понять Гоголя, потому что, когда явился Гоголь, г. Полевой был уже в своей апогее, и у него на все были уже составлены свои определения...

Всякое явление имеет свою причину, и все, что мы сказали о г. Полевом, совершилось очень естественно. Главнейшая его услуга, и услуга великая, состояла в уничтожении ложных авторитетов. Он явился на журнальное поприще еще в то время, когда мадригал Лилете давал право на поэтическое бессмертие; когда литературное чинопочитание было во всей своей силе; когда столько диких предрассудков царствовало в понятиях о поэзии. И вот он стал действовать с энергиею, пылом и смелостию, открыто пошел против всего, что казалось ему устаревшим, отсталым, и уничтожал его во имя нового. Что такое это новое, он не сказал этого публично, потому что и для самого него оно осталось навсегда тайною... Между тем гонение на старое часто доходило до ослепления: нехорошо не потому, что нехорошо, а потому, что старое... Но все это было нужно, и все принесло великую пользу. Уничтоживши совершенно достоинство и заслуги Карамзина, мы – молодое поколение – снова признали их, но уже признали свободно, а не по преданию, не с чужого голоса или не по привычке с детства думать одно и то же. Успех г. Полевого был невероятный, потому что его усилия требовались духом времени. Этому успеху всего более был обязан он сметливости. «Revue Encyclopédique» служила для него и сокровищницею новых идей и нередко снабжала его статьями, которые ему стоило только переделывать и приделывать – к чему было ему нужно{56}. Не прилепившись ни к какой сфере знания или деятельности, он брался за все и во всем хотел быть нововводителем. Познакомившись с немцами через французоз, он неверно понял их. Познакомившись с Шеллингом через французские статьи, он говорил о тождестве и о том, что а = а... Все это нужно было для того времени, и всего этого теперь уже не нужно...

Мы извиняем теперешнюю ревность г. Полевого к прошедшему. У всякого с своим прошедшим связано так много прекрасных воспоминаний, и потому каждому кажется великим и истинным только то, что явилось в его время, в то время, когда в нем

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
интересы были живы, когда он исполнен был надежд и силы. Напротив того, настоящее для пожилых людей часто бывает так грустно: дико смотрят они на все новое, которое чуждо их, уже застывших в известных формах, и которому чужды они, уже не способные ни к какому движению. Когда вышел Г. Полевой на поприще, тогда гремели и сияли имена Гюго, Ламартина, де Виньи, Бальзака, – удивительно ли, что и теперь он почитает их великими гениями? – Читая и перечитывая французские журналы, он беспрестанно встречал в них имя Шеллинга, как величайшего философа современного человечества, – удивительно ли, что Шеллинг и теперь остается для него первым философом, а его философия геркулесовскими столпами абсолютного мышления? Эта история всегда повторялась: кантисты не хотели видеть ничего великого в Фихте, фихтеисты с иронической улыбкой смотрели на Шеллинга, а шеллингисты в Гегеле видят пустой призрак. Вот отчего в глазах Г. Полевого Лессинг и Шлегель мешают Варнгагену быть глубоким критиком, а Шеллинг Гегелю – великим и первым философом современного человечества. Вот почему современная немецкая литература, столько богатая и великая, так роскошно оплодотворенная духом великого Гегеля, – кажется ему пустоцветною и ничтожною. Это круг, начавшийся нападками на «Вестник Европы»{57} и кончившийся редакторством «Сына отечества».

Теперь, чего вы хотите от «Сына отечества»? Все недостатки его происходят от глубокой причины: он не понимает современности и потому не может угождать и нравиться ей. А так как, сверх того, он развлечен составлением драм, опер, комедий и водевилей, то и не имеет достаточного времени для улучшения самого себя...

От «Сына отечества» обратимся к предмету более интересному и приятному – к «Отечественным запискам».

Об «Отечественных записках» мы не будем много говорить, потому что это журнал новый, еще не успевший вполне себя выказать и высказать, хотя и подавший о себе блестящие надежды в будущем. Сказать правду, мы не совсем довольны его критическим направлением, потому что цвет этого направления не достаточно ярок и определен{58}. Впрочем, появление в 5 № «Отечественных записок» статьи Варнгагена о Пушкине, превосходно переведенной Г. Катковым, заставляет нас надеяться, что в «Отечественных записках» будет критика дельная и современная. Об этой статье мы еще поговорим.

Говоря о критике «Отечественных записок», должно упомянуть с уважением о разборе «Фауста», переведенного Г. Губером{59}. В этой статье высказано много интересных подробностей об историческом народном Фаусте, предание о котором послужило формою стольким произведениям и, наконец, самому «Фаусту» Гете. В суждении об этом великом произведении также высказано много дельного. Но нам не нравится пристрастный отзыв критика о переводе, отзыв, столь несообразный с уважением критика к гениальному произведению Гете; потом, мы не согласны в некоторых мыслях. Критик говорит, что Гретхен Гете выше Джульетты Шекспира: странная и произвольная мысль! До сих пор еще не придумано инструмента для измерения относительного достоинства созданий великих поэтов, и потому условились почитать их совершенно равными одно другому, как формы совершенно равные своим содержаниям. Впрочем, из этого следует, что содержание, поколику обнимает оно сферу бытия, может служить этою меркою. Но измерил ли критик содержание Джульетты? Не есть ли она полная женщина, выражение женственной природы и женственного духа по преимуществу? Что же касается до воплощения этой идеи в живую, роскошную, в высшей степени художественную форму, – об этом страшно и говорить, когда дело идет о таком художнике, как Шекспир... Потом, критик говорит, что сумасшедшая Маргарита несравненно естественнее сумасшедшей Офелии. По нашему мнению, думать так – значит не понимать ни Маргариты, ни Офелии. Сумасшествие есть отвлеченная идея, которая конкретируется только в явлении. Сумасшедшим может быть всякий человек: вот отвлеченное понятие; но каждый может быть сумасшедшим только по-своему, и ни один сумасшедший на другого походить не может: вот понятие конкретное. Не говоря о разнице характеров, одна разница обстоятельств, бывших причиною сумасшествия, делает из Маргариты и Офелии два совершенно различные лица, которые не могут ни поверяться, ни меряться одно другим. Точно так же, как всякий человек представляет собою отдельный и особый мир, на все другие не похожий, никаким другим не заменимый, – так и всякое художественное лицо. В этом-то и состоит конкретность явлений действительности и искусства. Если бы не Гамлет, а другое лицо было причиною сумасшествия Офелии, то и сумасшествие ее необходимо носило бы на себе другой характер; точно так же, как если бы Гамлет обставлен был другими лицами, то и его болезненная

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
нерешительность, колебания его воли, жалобы на самого себя – все это, будучи тем же самым, было бы в то же время и совершенно другим. Конкретность дает себя видеть не в идее, а в форме, и в этой же форме дает себя видеть и индивидуальность и личность субъекта, которая уже по одному тому, что она личность, не может ни быть заменена никакою другою личностью, ни быть меркою другой личности. Как в природе нет двух лиц, совершенно сходных друг с другом, так в сфере искусства не может быть двух лиц, из которых одно делало бы ненужным другое тем, что было бы лучше этого другого. Впрочем, может быть, критик под словом «несравненно естественнее» разумел художественное выполнение – в таком случае, мы, не обинуясь, скажем ему, что с этой стороны ему недоступны ни Офелия, ни Маргарита...

Не можем мы также согласиться и в мысли о самом Фаусте, как о человеке «с душою сильною, с дерзновенными замыслами и необузданными порывами, но с уничтоженною верою во все прекрасное». Так – Фауст утратил веру, но не в прекрасное (это выражение становится уже приторным), а в действительность бытия, как тождество истины с явлением; так – Фаусту все представлялось мечтою и призраком, – но отчего и почему – вот вопрос, и вот в чем сущность дела. Сколько мы понимаем, это произошло с ним оттого, что, как человек глубокий и всеобъемлющий, он необходимо должен был выйти из естественной гармонии духа и поспорить с действительностию; но для того, чтобы, принявши в себя все элементы жизни, перешедши чрез все ее противоречия и отрицания, через долгое и кровавое испытание, путем разумного опыта и разумного знания, примирить их в своем разумном созерцании и – чрез то – снова приобрести утраченную гармонию души, но уже не естественную, а сознательную, и снова обрести себя в живом и конкретном единстве с действительностию, хотя бы то было только для того, чтобы сказать: «В предчувствии такого блаженства я наслаждаюсь теперь прекрасною минутою!» – и умереть... Да не подумают, что мы претендуем объяснить основную мысль такого великого создания, как «Фауст» Гете: нет, мы только претендуем на то, что наше предположение (а не утверждение) ближе к истине, нежели мысль критика «Отечественных записок». Как много есть людей, которые лишены веры в истину, по своей ничтожности и пустоте, а между тем кто почтет такого человека достойным героем подобной поэмы? Распадение Фауста должно иметь глубокий смысл как необходимость, а не как случайность...

В статье об «Илиаде»{60} рассуждается больше о том – Гомер или народ создал это вековое произведение искусства. Вопрос этот начинает становиться смешон, а между тем ему придают такую важность. Народ может создать преогромную книгу песен, представляющих собою целое и единое по духу и характеру; но никогда народ не создаст из лоскутков и отрывков поэмы, представляющей собою целое и стройное по содержанию и форме. Это просто-напросто – нелепость нелепостей. Некоторые искусники поговаривали о возможности из народных малороссийских дум о Богдане Хмельницком составить поэму, столько же целую и стройную, как и «Илиада»: попробуйте, господа, а пока не подтвердите на деле вашей мысли, мы вам не поверим. Народ живет в своих представителях, которые относятся к нему, как голова к туловищу. Такую-то голову имели эллины в Гомере. Говорят, что трудно поверить, чтобы один человек мог сделать такое великое дело. Напротив, труднее поверить, чтобы много людей могли сделать одно такое великое дело. Всякая разумная сила является отнюдь не в субстанции, а в личном, индивидуальном, субъективном определении. И потому слово «народ» часто бывает самым бессмысленным словом, как безличная отвлеченность. Разве не великое дело – преобразовать Россию? – А что ж – разве сам народ это сделал, а не один человек, олицетворивший в себе все силы, все субстанциальное могущество этого народа? – В деле творчества единичность творческой силы еще необходимее.

Не можем мы также согласиться и в том, чтобы гекзаметры Жуковского в переводе им отрывков из «Илиады» с латинского были лучше переводов Гнедича. Даже приведенные в статье «Отечественных записок» примеры решительно уверяют совершенно в противном. И почему бы этому и не быть так! – Жуковский имеет слишком много других прав на превосходство перед тем и другим; но постигнуть дух, божественную простоту и пластическую красоту древних греков было суждено на Руси пока только одному Гнедичу.

Впрочем, в «Отечественных записках» примечательна ученая историческая критика, о которой не распространяемся.

Обратимся к статье Варнгагена. Она была уже переведена в «Сыне отечества», но так переведена, что если бы сам Варнгаген знал по-русски так же хорошо, как

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru по-немецки, то никоим образом не узнал бы своей статьи. Редактор «Сына отечества», вероятно, по этому переводу сделал свое странное заключение об этой статье, и потому нисколько не удивительно, что его заключение вышло очень странно. Статья Варнгагена явилась в «Отечественных записках» как прибавление к V № этого журнала{61}, и в письмо переводчика к редактору «Отечественных записок» объясняется причина вторичного перевода статьи следующим образом: «Я твердо уверен, что искренне, положи руку на сердце, вы не скажете, что публика сколько-нибудь знакома с этою статьею; и если хоть на минуту задумаетесь исполнить мою просьбу, то разве потому, что какой-то жалкий, неверный перевод самовольно назвал себя статьею Варнгагена о Пушкине и пустился, уже вместе с журналом, принявшим его в свои объятия, бродить по миру и вводить в заблуждение честных людей». Не можем удержаться, несмотря на недостаток времени и места, чтобы не поговорить об этой прекрасной статье, которая вдвойне важна для русской публики – и как дельная и верная оценка ее великого поэта, и как оценка, сделанная иностранцем, – обстоятельство драгоценное для нашего патриотического чувства. Прежде всего, мы должны обратить внимание наших читателей на коротенькое, но энергическое предисловие переводчика, в котором, между прочим, особенно замечательно следующее:

Мы твердо убеждены и ясно сознаём, что Пушкин – поэт не одной какой-нибудь эпохи, а поэт целого человечества, не одной какой-нибудь страны, а целого мира; не лазаретный поэт, как думают многие, не поэт страдания, но великий поэт блаженства и внутренней гармонии. Он не убоился низойти в самые сокровенные тайники русской души... Глубока душа русская! нужна гигантская мощь, чтобы исследить ее. Пушкин исследил ее и победоносно вышел из нее, и извлек с собою на свет все затаенное, все темное, крившееся в ней... Как народ России не ниже ни одного народа в мире, так и Пушкин не ниже ни одного поэта в мире. Эти строки – пламенное выражение глубокого задушевного убеждения – мы вполне, буквально, согласны с ними; они составляют одну из самых основных опор нашей внутренней жизни, одно из самых пламеннейших верований, которыми живет дух наш; но многим этот язык может показаться пристрастным, как выражение народной гордости и патриотического чувства. Пусть же прочтут они суждение иностранца, так тесно совпадающее с суждением соотечественника великого поэта:

Что Пушкин есть поэт оригинальный, поэт самобытный, это непосредственно явствует из впечатления, производимого его поэзией. Он мог заимствовать внешние формы и идти по стезям, до него бывшим; но жизнь, вызванная им, – жизнь совершенно новая. Если он часто напоминает Байрона, Шиллера, даже Виланда, далее Шекспира и Ариоста, то это указывает только, с кем можно его сравнивать, а не от кого должно его производить. С Байроном он решительно принадлежит к одной эпохе, и даже можно сказать – с Шиллером, сколько позволят допустить это некоторые существенные изменения, происшедшие со времени Шиллера во внешнем состоянии жизни. Самый внутренний мир, раскрывшийся в духе поэта зиждется большею частью на тех же основаниях, какие мы видим у этих поэтов; в нем та же противоположность и раздор мечты с действительностью, та же тоска то же полное сомнений уныние, та же печаль по утраченном и грусть по недостижимом счастии, та же разорванность и величественная, великодушная преданность, – все эти качества, особенно преобладающие в Байроне. Но главное, существенное свойство Пушкина, отличающее его от них, состоит в том, что он живым образом слил все исчисленные нами качества с их решительною противоположностью, именно с свежою духовною гармониею, которая, как яркое сияние солнца, просвечивает сквозь его поэзию и всегда, при самых мрачных ощущениях, при самом страшном отчаянии, подает утешение и надежду. В гармонии, в этом направлении к мощному и действительному, укрепляющем сердце, вселяющем мужество в дух, мы можем сравнить его с Гете. Истинная поэзия есть радость и утешение, и для того, чтобы точно быть этим, она нисходит до всех страданий и горестей. Укрепляющую, живительную силу Пушкина испытает на себе всякий, кто будет читать его создания. Его гений столь же способен к комическому и шутливому, сколько к трагическому и патетическому; особенно же склонен он к ироническому, которое часто переходит у него в юмор, в благороднейшем смысле этого слова. Светлая гармония, бодрое мужество составляют основу его поэзии, основу, по которой все другие его свойства пробегают, как тени, или, лучше, как оттенки. Его характеру вполне равновесно его выражение: везде быстрая краткость, везде свежий, совершенно самостоятельный, сосредоточенный образ, яркая молния духа, резкий оборот. Мало поэтов, которые были бы так чужды, как Пушкин, всего изысканного, растянутого, всякого сопаморе[4] набираемого хлама. Его естественность, довольствующаяся самым <простым>{62} словом, быстро схватывающая и быстро опускающая каждый предмет, его могучее воображение, полное согревающей теплоты и величия, его то кроткое,

то горькое остроумие, – все соединяется для того, чтобы произвести самое гармоническое, самое благотворное впечатление в духе беспрерывно занятого и беспрерывно свободного, ни минуты не мучимого читателя.

Для русского это впечатление тем еще могущественнее, что проникает также в его национальное существо и пробуждает в нем всю полноту жизни его отечества, его народа. Создания Пушкина все полны Россиею, Россиею во всех ее направлениях и видах. Мы ближе разберем значение того, что сейчас нами сказано, и посмотрим, как национальность Пушкина была выгодна для его поэзии. Всякой поэт, который не теряется в идеальных общностях, выговаривает более или менее жизнь своего народа, характер своей страны, и во всяком случае, качество этой жизни и этого характера имеет сильное влияние на его поэзию. Но почти всегда круг, очерчиваемый им, тесен; из этого круга почти всегда выходит только нечто одностороннее, нечто однообразное.

Байрон избежал этой тесноты, прибавив к английскому испанское, немецкое, итальянское и греческое; но он обогатил свою поэзию не иначе, как беспрерывными своими путешествиями. Если Гете умел, сверх немецких элементов, включить в свою поэзию элементы славянские и восточные, то это удалось ему только вследствие некоторых условий его жизни и по особенной могучести его духа. Но русскому поэту всё это разнообразие разрозненных пространством и духовно различных элементов дается уже само собою; все это уже он находит в своем национальном кругу. Ему равно доступны, равно родственны юг и север, Европа и Азия, дикость и утонченность, древнее и новейшее; изображая самые различные предметы, он изображает предметы отечественные. Величина и могущество России, объем и содержание русской империи имеют в этом отношении самое благотворное влияние; мы можем отсюда видеть, в каком внутреннем соотношении с государством живет поэзия. Состоя из тех же самых основных стихий, какие содействуют государству могущественным, развивается поэзия изнутри наружу (von innen her). Пушкин, владея мощными силами, вполне воспользовался выгодой своей национальности, вполне осуществил ее. Созерцая самые противоположные изображаемые им состояния, чувствуешь, что они все равно принадлежат поэту, что он на всех их имеет равные права; они его, они – русские. Мы можем здесь, выражаясь собственными словами поэта, сказать:

От финских хладных скал до пламенной Колхиды,

От потрясенного кремля

До стен недвижимого Китая,

езде – в мире сельских нравов и в блестящем модном свете, в великолепных палатах и под сению цыганской кущи – везде он на своей родной почве, и везде на этой почве дает отпрыски его поэзия. Действительно, весь этот богатый мир, во всем его объеме, претворил Пушкин в поэтическое созерцание.

Рассматривая поэмы Пушкина, каждую отдельно, Варнгаген иногда одним выражением, одним словом умеет высказать подмеченную им сторону предмета. Поэтому его слог, так живо, сжато, энергически переданный талантливым переводчиком, отличается удивительно рельефностью, если можно так выразиться[5]. Говоря об «Онегине», он как бы мимоходом высказывает следующее глубокое замечание:

Мы не знаем ни одного произведения, из известного нам литературного круга, которое бы можно было сравнить с «Онегиным» Пушкина. Тот, кто бы вздумал тут указать на Байронова «Чайльд-Гарольда», показал бы только в себе человека, не способного проникнуть дальше наружной стороны. Даже и тогда, когда Пушкин касается самого обыкновенного, характер и направление его являются необыкновенно самобытными; поэт высоко парит над своими образами, из которых одними он беспечно играет и шутит, другие же скорбно прижимает к груди своей... Изложивши содержание «Бориса Годунова», Варнгаген заключает свой беглый разбор этого гигантского создания следующим глубоко философским взглядом на его основную мысль:

Так заключается драма, заключается величественным впечатлением, в котором сосредоточивается вся сила совершившегося и в котором таится предчувствие новой Немезиды для нового преступления. Поэт разоблачил перед нашими взорами мировую судьбу. Борис, способный и достойный царствовать, достигает престола посредством преступления и торжествует над утратившим силу правом; тщетно надеется он превратить свои достоинства и заслуги в право и злоприобретенное передать любимому сыну, как честное наследство. Из самого преступления развивается месть; но не истина, не право низвергает его, а новый обман, который ясен ему самому, как обман. Поддельный вид права уже достаточно силен для того, чтобы уничтожить злоприсвоенное владычество. История не всегда свершает так свой суд; наши глаза часто едва-едва могут следить по рядам столетий за Немезидою; но те моменты истории, в которых суд свершается так же быстро и так же явственно, как здесь, –

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
они-то и заключают в себе то, что мы зовем трагическим. Катастрофа «Бориса Годунова», которую поэт имел полное право отодвинуть за кончину самого Бориса до решительной гибели всего царского рода, сама собою переплетается с судьбою Лже-Димитрия; но из этих двух трагических ветвей листовенно преобладает первая как большей определенностью, так и большим обилием содержания, и выбор Пушкина доказывает всю глубину его гения, который был притом столько могуществен, столько богат, что мог изобразить во всем достоинстве и второго представившегося ему героя.

Вот что говорит глубокомысленный Варнгаген о мелких стихотворениях Пушкина:

Великое созерцание природы лежит в основании всех его стихотворений, оно просвечивает сквозь все переливы ощущений и дает им тон и выражение. В дивно прекрасных строфах «К морю» как будто воздымается во всем своем великолепии эта свободная стихия, с которою так тесно связаны вдохновение и грусть души, порывающейся вдаль; они намекают на гробницу Наполеона и на песни Байрона, которого образ мощно очерчен в образе моря, и наполняют нашу душу грустью самого поэта, отрывающегося от любимого им берега. Жалобы, исторгаемые из души поэта разлукою и одиночеством, воспоминания об обольщениях и утратах жизни, думы и мечты в дороге – все это гармонически перемешано с образами природы; у него равно художественны: и лист, запоздалый на ветке, и одинокий звук, раздавшийся в зимнюю ночь, и опоясанный облаками Кавказ, и зеленое море степей...

Но мы невольно увлеклись прекрасною статьею Варнгагена и забыли, что должны говорить об «Отечественных записках». Кроме уже исчисленных нами критических статей, следует указать на очерки иностранных литератур, из которых особенно примечательны – французской в I и V №№. Не можем удержаться, чтобы не выписать из последней следующего места:

Мы любим болтуна Жанена и всегда читаем его с удовольствием. Да и как не любить его, этого француза в полном смысле слова – доброго, простого малого, без всяких претензий, говорюна наивного, вечно живого, забавного, нередко остроумного, часто даже трогательного, особенно в своих воспоминаниях юности, в своих рассказах о тех, кто был близок к его сердцу? Жанен – это вся французская литература, живая, легкая, ветреная, непостоянная, блестящая, как брильянтовый фейерверк, и часто пустая, как фейерверк; – это ее зеркало, ее resume, ее тип современный. Стоя бессменно на страже французской литературы и даже вообще французского искусства, он так свыкся, сроднился с своим постом, своим званием, что жить без них не может, как рыба без воды, как птица без воздуха. Он умер бы от скуки и от огорчения, если б у него отняли перо, театр, художественные выставки, хотя бы взамену этого осыпали его золотом, поселили бы в богатом замке, окружили бы всем, что только роскошь и нега могут придумать лучшего и заманчивого. Нет, дайте ему движение, этот вечный шум, эти вечные хлопоты – вот его сфера, его мир, блаженство. Это не святоша-Ламартин, прикрывающий маскою фарисейское лицо свое, – нет, он весь перед вами, со всеми слабостями и достоинствами. «Совру – простят» – вот девиз его, а с этим девизом ему не нужно надевать никакой маски: и точно, нередко он врет, но врет так умно, так мило, так простоудшно, что вы забудетесь и заслушаетесь его рассказней. Конечно, во всех этих статьяx пробивается усилие к характерному и дельному направлению, но все это еще не определено, не резко. Среди самых дельных мыслей часто встречаются противоречия, заметно как бы борение двух противоположных учений.

В библиографической хронике «Отечественных записок» те же достоинства и те же недостатки. Достоинства: часто беспристрастные, дельные, хорошо написанные отзывы о сочинениях; недостатки: иногда дух парциальности, иногда устарелость мнений и самого изложения их. Последнее случается реже и объясняется участием не одного, а многих лиц, в библиографической хронике. Первое же заслуживает особенный упрек. Зачем, например, так часто употреблять имена гг. Орлова (А. А.) и Булгарина (Ф. В.) нераздельно? – Это, во-первых, должно непременно обнаруживать, что «Отечественные записки» придают этим двум, конечно, примечательным лицам в нашей литературе слишком большую важность; а во-вторых, это может их взаимно возгордить одного на счет другого, в ущерб успехам нашей литературы{64}. В IV № «Отечественных записок» нас поразил ужасом отзыв о «Борисе Ульяне», этом жалком произведении, обличающем в авторе его образцовую бездарность. И как будто издеваясь над памятью Пушкина, «Отечественные записки» хотят нас уверить, что автор оногo «Бориса Ульяна» был соблазнен легкими стихами Пушкина, не догадываясь, что легкие стихи Пушкина в то же время и очень тяжелы, так что надо иметь богатырскую силу, чтобы владеть ими, как собственным оружием. Но, впрочем, может быть, мы понапрасну горячимся: может быть, отзыв

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
«Отечественных записок» – тонкая насмешка, для удостоверения в чем достаточно обратить внимание на стихи, которые выписаны в рецензии «Отечественных записок», как отличнейшие, тогда как в них смысла нет. Вот они:

Трехгранный штык! Младых героев
Не ты ли лестная мечта,
И не тобой ли занята,
Их дума скачет среди боев?
Когда Суворов мел тобой,
Как пыль, французов пред собой,
Потешен, люб был Руси ратной
Рассказ игры твоей булатной.
Хороша легкость! Суворов штыком мел французов перед собою, как пыль. Потешен, люб для ратной России рассказ булатной игры штыка... Нет, рецензия «Отечественных записок» не похвала, а тонкая насмешка{65}.

Особенное внимание заслуживает в «Отечественных записках» отделение, посвященное собственно на ознакомление русских с своим отечеством, во всех отношениях. И по содержанию и по изложению превосходны все статьи под рубрикою «Современная хроника России». К этому же отделению мы относим и любопытные статьи Г. Каменского «Мастерские русских художников»: они писаны просто, благородно и знакомят нас с нашими сокровищами искусств{66}.

Об ученых статьях должно заметить, что они по большей части слишком исключительного содержания и притом чудовищно огромны. Гораздо больше нашли бы себе читателей статьи по части истории и естествознания, нежели по части физики и математики.

Отделение «Смеси» разнообразно и интересно. «Отечественные записки» имеют в этом отношении тот перевес перед «Библиотекой для чтения», что в их «Смеси» много оригинальных статей.

Теперь обращаемся к самому лучшему, богатейшему и блистательнейшему отделению «Отечественных записок» – к отделению «Словесности», в котором, по средствам «Отечественных записок» и отношению их к нашим литературным знаменитостям, с ними ни один из русских журналов не может соперничать. Пробежим сперва по блистательному списку оригинальных повестей в 5 № «Отечественных записок».

«Княжна Зизи» кн. Одоевского читается с наслаждением, хотя и не принадлежит к лучшим произведениям его пера. Даже можно сказать, что эта повесть и не выдержана: во-первых, странно, что такая глубокая женщина, как княжна Зизи, могла полюбить такого пошлого и гадкого человека, как Городков; не менее того невероятно, чтобы Городков, который в большей половине повести является человеком светски образованным, в конце повести мог явиться провинциальным подьячим самого подьяческого тону. – Отрывок из романа «Вадимов» Марлинского – фразы, надутые до бессмыслицы. «История двух калаш», повесть графа Соллогуба, – лучшая повесть в «Отечественных записках» и редкое явление в современной русской литературе. Прекрасная мысль светится в одушевленном и мастерском рассказе, которого душа заключается в глубоко чувстве человечности{67}. Мы не говорим о простоте, безыскусственности, отсутствии всяких претензий: все это необходимое условие всякого прекрасного произведения, а повесть гр. Соллогуба – прекрасный, благоухающий ароматом мысли и чувства литературный цветок. Во II № помещен «Павильон» г-жи Дуровой, о котором мы уже высказали наше мнение{68}. В III № помещена «Бэла», рассказ Г. Лермонтова, молодого поэта с необыкновенным талантом. Здесь в первый еще раз является Г. Лермонтов с прозаическим опытом – и этот опыт достоин его высокого поэтического дарования. Простота и безыскусственность этого рассказа – невыразимы, и каждое слово в нем так на своем месте, так богато значением. Вот такие рассказы о Кавказе, о диких горах и отношениях к ним наших войск мы готовы читать, потому что такие рассказы знакомят с предметом, а не клеветают на него. Чтение прекрасной повести Г. Лермонтова многим может быть полезно еще и как противоядие чтению повестей Марлинского{69}.

В 4 № – «Дочь чиновного человека», повесть Г. Панаева (И. И.). Это одна из лучших повестей нашего талантливого повествователя. Как и все его повести, она согрета живым, пламенным чувством и, сверх того, представляет собою мастерскую картину петербургского чиновничества, не только с его внешней, но и внутренней, домашней стороны. Содержание повести просто, и тем приятнее, что при этом оно

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru богато потрясающими драматическими положениями. Одним словом, повесть г. Панаева принадлежит к самым примечательным явлениям литературы нынешнего года. Не чужда она и недостатков, но они не важны, хоть повесть и много бы выиграла, если бы автор дал себе труд изгладить их. Но главный недостаток состоит в отделке характера героя повести: автор как будто хотел представить идеал великого художника в молодом человеке, который вечно вздыхает по каким-то недостижимым для него идеалам творчества и ничего не может создать, – что и составляет мучение и отраву всей его жизни. Это идеал художника г. Полевого, который не раз пытался его изобразить в своих повестях{70}. Но это уже устарелый взгляд на искусство: нынче думают, что художник потому и художник, что без мучений и натуг, свободно может воплощать в живые образы порождения своей творческой фантазии; но что томящиеся по недостижимым для них идеалам художники – или просто пустые люди с претензиями, или обыкновенные талантики, претендующие на генияльность. Генияльность не есть проклятие жизни художника, но сила познавать ее блаженство и осуществлять в живых образах это познание. Впрочем, из некоторых мест повести кажется, что автор и хотел изобразить в своем герое такого жалкого недоноска; это тем яснее, что он подавляется простым и возвышенным в своей простоте характером героини; но в таком случае автору надлежало б быть яснее и определеннее. Впрочем, может быть, он поправит еще это во второй своей повести «Любовь светской девушки», героем которой будет опять этот же художник-недоносок и которую он уже пишет, как то нам известно из достоверного источника{71}.

В V № – «Бедовик», повесть г. Даля. Это, по нашему мнению, лучшее произведение талантливого Казака Луганского. В нем так много человечности, доброты, юмора, знания человеческого и, преимущественно, русского сердца, такая самобытность, оригинальность, игривость, увлекательность, такой сильный интерес, что мы не читали, а пожирали эту чудесную повесть. Характер героя ее – чудо, но не везде, как кажется нам, выдержан; но солдат Власов и его отношения к герою повести – это просто роскошь.

В IV книжке есть еще «Дорожные эскизы» на пути из Франкфурта в Берлин г. Шевырева, особенно интересные подробностями его свидания с Гете.

Переводных прозаических пьес немного: «Сила крови», повесть Сервантеса, переведенная с испанского, интересна только по имени своего автора и разве как намек на домашнюю жизнь испанцев; она прекрасно переведена с подлинника г. Тимковским. «Боги, герои и Виланд», соч. Гете, переведенное г. Струговщиковым, представляет собою любопытную страницу из истории немецкой литературы, к сожалению, не понятую у нас.

Прекрасных стихотворений в «Отечественных записках» – множество. Конечно, между ними есть и стихи гг. Якубовича, Стромиллова, Гребенки, Айбулата, но

И в солнце, и в луне есть темные места{72}.

В I № из стихотворений вы находите маленькое прелестное стихотворение Пушкина «В альбом»{73}, «Думу» – энергичное, могучее по форме, хотя и прекрасное несколько по содержанию, стихотворение г. Лермонтова. Вторая книжка бедна хорошими стихотворениями, и можно упомянуть только о «Поэте» опять того же г. Лермонтова, примечательным многими прекрасными стихами и также прекрасным по содержанию. Третья книжка красуется «Последним поцелуем», роскошно-поэтическим стихотворением г. Кольцова. Четвертая книжка блещит прекрасным стихотворением г. Лермонтова «Русалка» и поражает удивлением отрывок из поэмы гр-ни Е. Р-ной{74} «Сущность и вдохновение, или Жизнь девушки», да – поражает удивлением, и если хотите знать почему, прочтите сами этот удивительный отрывок... Пятая книжка необыкновенно богата прекрасными стихотворениями, из которых два – «Ветка Палестины» и «Не верь себе» – принадлежат г. Лермонтову. Первое поражает художественностью своей формы, а второе глубокостью своего содержания и могучестью своей формы: дело идет, кажется, о тех непризванных поэтах, которые могут вдохновляться только своими страданиями, за отсутствием истинного поэтического призвания{75}.

Не верь себе, мечтатель молодой{76},
Как язвы, бойся вдохновенья...
Оно тяжелый бред души твоей больной
Иль пленной мысли раздраженье.
В нем признака небес напрасно не ищи:
То кровь кипит, то сил избыток!
Скорее жизнь свою в заботах истощи,

Не унижай себя. Стыдися торговать
То гневом, то тоской послушной
И гной душевных ран надменно выставляешь{77}
На диво черни простодушной.
Какое дело нам, страдал ты или нет?
На что нам знать твои волнения,
Надежды глупые первоначальных лет,
Рассудка злые сожаленья?
Взгляни: перед тобой играючи идет
Толпа дорогою привычной;
На лицах праздничных чуть виден след забот,
Слезы не встретишь неприличной.
А между тем из них едва ли есть один,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременных добравшийся морщин
Без преступленья иль утраты!..
Поверь: для них смешон твой плач и твой укор,
С своим напевом заученным,
Как разрумяненный трагический актер,
Махающий мечом картонным..

Заметьте, что здесь поэт говорит не о бездарных и ничтожных людях, обладаемых метроманиею, но о людях, которым часто удается выстрадать и то и другое стихотворение и которые вопли души своей или кипение крови и избыток сил принимают за дар вдохновения. Глубокая мысль!.. Сколько есть на белом свете таких мнимых поэтов! И как глубоко истинный поэт разгадал их!.. Кроме двух прекрасных стихотворений г. Лермонтова, в V № «Отечественных записок» есть четыре прекрасные стихотворения г-жи Павловой: «Неизвестному поэту», оригинальное; «Клятва Мойны» и «Гленара» – шотландские баллады, одна В. Скотта, другая из Камбеля; «Пойми любовь», из Рюкерта. Удивительный талант г-жи Павловой (урожденной Яниш) переводить стихотворения со всех известных ей языков и на все известные ей языки – начинает наконец приобретать всеобщую известность. В нынешнем году вышли ее переводы с разных языков на французский, под названием «Les préludes»[6] {78}, – и мы не могли довольно надивиться, как умела даровитая переводчица передать на этот бедный, антипоэтический и фразистый по своей природе язык благородную простоту, силу, сжатость и поэтическую прелесть «Полководца» – одно из лучших стихотворений Пушкина. Но еще лучше (по причине языка) ее переводы на русский язык; подивитесь сами этой сжатости, этой мужественной энергии, благородной простоте этих алмазных стихов, алмазных и по крепости и по блеску поэтическому. {79}

Гленара.

О, слышите ль вы тот напев гробовой?
Толпа там проходит печальной чредой.
Вождь горный, Гленара, супруги лишен:
Ее хоронить всех родных созвал он.
И первый за гробом Гленара идет,
И клан весь за ним, по никто слез не льет;
Идут они молча, чрез поле, чрез бор,
В плащи завернулись, потупили взор.
И молча дошли до равнины одной,
Где рос одинокий дуб черный, густой;
– Жену хоронить здесь я место избрал:
Что ж все вы молчите? – Гленара сказал.
– Ответствуйте мне, что же все вы кругом
Плащами закрылись? Так мрачны лицом? –
Вождь грозный спросил их; плащ каждый упал,
И в каждой деснице сверкает кинжал.
«Мне снилось о гробе супруги твоей, –
Воскликнул один из угрюмых гостей, –
Гроб этот – пустым показался мне он.
Гленара! Гленара! толкуй мне мой сон!»
Гленара бледнеет, и гроб пред толпой
Открыт уж, и нет в нем жены молодой.
И гость-обвинитель страшней повторил
(Несчастную жертву он тайно любил):

«Мне снились страдания супруги твоей,
Мне снилось, что вождь наш бесчестный злодей,
Что бросил жену на скале где-то он.
Гленара! Гленара! толкуй мне мой сон!»
Упал на колени преступник во прах,
Открыл, где покинул супругу в слезах;
С пустынной скалы возвратилась она,
И вновь с нею радость друзьям отдана.

Так-то дебютировали на сцене журналистики возобновленные «Отечественные записки». Если – чего и должно ожидать – продолжение будет еще лучше начала, то, при своих материальных средствах, при своих выгодных отношениях почти ко всем нашим пишущим знаменитостям, «Отечественные записки», без всякого сомнения, не замедлят занять первого места в современной русской журналистике.

Внешность «Отечественных записок» очень красива, полнота содержания даже чересчур удовлетворительна, а поспешность, с какою летают книжка за книжкой, – изумительна. Все это делает честь неутомимости редактора и желанию его – сделать свой журнал вполне достойным того лестного приема, которым уже удостоила его публика.

В следующей книжке «Наблюдателя» надеемся поговорить о «Литературных прибавлениях» и «Галатее»{80}.

Сноски

1

Первый из этих рассказов «Болгарка» напечатан в 1-ой июльской книжке «Московского наблюдателя» за 1837 г. Тот и другой составляют выдержки из дневных записок автора.

2

Желательно бы знать, какую разность полагает автор этой статьи между художествами и искусствами?

3

О доброе старое время!.. (франц.) – Ред.

4

с любовью (итал.). – Ред.

5

Это-то самое некоторые мужи старинного закала и называли особенною немецкою манерою выражаться{81}, не понимая того, что достоинство и действительность всякой мысли узнаются по форме, в которой она выразилась.

6

«Прелюдии» (франц.). – Ред.

Комментарии

1

В 1839 г., после долгого перерыва, возобновилось издание московского журнала «Галатее» и петербургских «Отечественных записок».

2

Имеется в виду петербургский журнал «Сын отечества» (1812–1852). О его реорганизации см. наст. т., прим. 2 к «Журнальной заметке».

3

«Летопись русских журналов» как постоянный отдел введена с 1839 г. в «Сыне отечества».

4

Имеется в виду отзыв Н. А. Полевого (см. наст. т., с. 430–431).

5

Галатея – в греческой мифологии морская нимфа.

6

В очерке рассказывается о борьбе испанцев с наполеоновскими войсками за свою национальную независимость в 1808 г.

7

Цитата из обзора Н. Полевого «Летопись русских журналов» («Сын отечества», 1839, № 1, отд. IV, с. 42–43).

8

Статья представляет собой переложение (с пространной цитацией) предисловия английского критика Уильяма Хэзлитта к его книге «Характеры пьес Шекспира», переизданной в Лондоне в 1838 г. (первое издание – в 1817 г.).

9

Свидетельство отрицательного отношения Белинского к теории буржуазного утилитаризма И. Бентама, который защищал неограниченную свободу капиталистической конкуренции и эксплуатации и которого К. Маркс в 1-м томе «Капитала» назвал «гением буржуазной глупости» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 624). В фантазии В. Одоевского рассказывается, как под впечатлением пламенных речей одного молодого человека, по имени Бентам, жители уединенного острова построили свою жизнь на основе личной пользы. Но вскоре в Бентамии (так названа была колония) принцип личной «пользы» развился в принцип «обогащения». Началось оккупирование и разорение соседних земель. Конкуренция привела к междоусобиям внутри страны, начала волноваться разоренная беднота. Правители-предприниматели были свергнуты, их место занимали последовательно купцы, ремесленники, земледельцы, но страдания не исчезали – таков вывод Одоевского. Белинский и Одоевский были солидарны во взглядах на теорию буржуазного утилитаризма И. Бентама, но критиковали они его с разных позиций.

10

«Новая сцена из «Бориса Годунова» – «Девичье поле. Новодевичий монастырь. Народ» (в примечании, принадлежащем, очевидно, Плетневу, сказано: «Следует в оригинале за сценою на Красной площади»). В издание трагедии 1831 г. эта сцена не включена по цензурным соображениям.

11

Первоначально напечатано под названием «К Н. Г. Л-ву» («Российский музей», 1815, № 3) и обращено к брату лицейского товарища Пушкина Николаю Григорьевичу Ломоносову. Теперь печатается под названием «К Н. Г. Ломоносову».

12

Подробную характеристику «Библиотеки для чтения» как журнала провинциального, угождающего вкусам малотребовательного читателя, Белинский дал в статье «Ничто о ничем...» (наст. изд., т. 1). В пору «примирения с действительностью» критик относился к «Библиотеке» более снисходительно. См. рецензию на «Литературные пояснения» Н. Греча (Белинский, АН СССР, т. II, с. 544–545).

13

Об этом Белинский так информировал Панаева в письме от 25 февраля 1839 г.: «Представьте себе – какое горе: у меня украдена учеником Межевого института, неким М. <Н. Мартыновым>, тетрадь стихов Красова и попала в руки Сенковского, который и распоряжается ею, как своею собственностью».

14

О незаконной перепечатке «Библиотекой для чтения» стихотворений Красова из «Московского наблюдателя» под фамилией Бернета Белинский писал в «Журнальной заметке» (Белинский, АН СССР, т. III, с. 98).

15

Названные Белинским стихотворения Красова, перепечатанные Сенковским в «Библиотеке для чтения», первоначально были опубликованы: «Песня» («Не гляди поэту в очи») в «Московском наблюдателе», 1838, ч. XVI, март, кн. 1; «Песня» («Прочь, прочь, ни слова! Не буди, что было») – там же, ч. XVII, май, кн. 1; «Элегия» («Когда порой свободный от трудов») – там же, ч. XVIII, июль, кн. 1; «Элегия» Красова («Я скучен для людей, мне скучно между ними») ранее не печаталась.

16

«Клара Моврай» впоследствии была напечатана в альманахе М. А. Максимовича «Киевлянин», 1840, кн. 1.

17

В рецензии на «Сто русских литераторов» Белинский высоко оценил также пьесу Кукольника «Иоанн Антон Лейзевиц» (см. наст. т., с. 403–404). Положительное отношение к этим двум произведениям у Белинского сохраняется и позже (в статьях «Русская литература в 1843 году» и «Сто русских литераторов... Том третий» – наст. изд., т. 7), хотя в целом критик резко осуждал ура-патриотические и лженародные драмы Кукольника.

18

«Маскарад» – повесть Н. Неверина.

19

Курсив Белинского.

20

Статья озаглавлена «Науки и искусства в древней Индии» (так и в колонтитуле – с. 229–260), но в оглавлении – как у Белинского.

21

В цитате («Библиотека для чтения», 1839, № 3, отд. V, с. 5–6) курсивы Белинского.

22

См.: «Библиотека для чтения», 1839, № 2, отд. II, с. 129, 150; № 3, отд. I, с. 48.

23

См. второе обозрение «Русские журналы» (наст. т., с. 425–448).

24

Цитируется «Евгений Онегин», гл. вторая, строфа XXXVIII.

25

Неточная цитата из былины «Дюк Степанович». – «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым», М., 1818, с. 30.

26

Слова, взятые эпиграфом к статье «Мнение о новом правописании, г. Лажечникова в романе его «Басурман» («Сын отечества», 1839, № 2, отд. IV, с. 131), являются перефразировкой стиха «Благословите, братцы, старину сказать», который Лажечников поставил эпиграфом к роману «Басурман» с указанием на источник – «Сахаров»; в «Песнях русского народа» И. П. Сахарова (ч. I, СПб., 1838, с. 6) эта строка дана как цитата из песни XL сборника Кирши Данилова (см. выше, прим. 2).

27

«Вестник Европы» издавался 29 лет (1802–1830), «Сын отечества» к 1839 г. – почти 27 (начал выходить в октябре 1812 г.).

28

Речь идет о Н. А. Полевом как неофициальном редакторе «Сына отечества». Об истории издания журнала см. наст. т., прим. 2 к «Журнальной заметке».

29

«Сын отечества» с 1812 г. издавался раз в неделю, в 1837 г. – два раза в неделю, с 1838 г. – ежемесячно.

30

Главной мишенью своих выпадов в 1838–1839 гг. «Сын отечества» сделал «Московский наблюдатель» и статьи и рецензии Белинского.

31

Здесь Белинский имеет в виду, в частности, свою рецензию на романы Лажечникова «Ледяной дом» и «Басурман» (см. наст. т.) и издевательское отношение к ней и к романам Лажечникова со стороны Полевого на страницах «Сына отечества».

32

Цитата из «Горя от ума» (д. IV, явл. 4; слова Чацкого).

33

Перевод статьи Г. Планша о «Полном собрании сочинений» В. Гюго и статьи Ж. Низара о «Полном собрании сочинений» Ламартина были напечатаны в «Сыне отечества», 1838, соответственно № 4 и 3.

34

Первая строка из басни Крылова «Музыканты», вторая из басни «Квартет».

35

Статья «Критический вопрос о новейшей современной драме (Письмо к Дидероту)», переведенная И. Бенигной (псевдоним Полевого), напечатана в «Сыне отечества», 1838, № 12, отд. IV, с. 81–104. Цитируемая Белинским «выноска» – это подстрочная сноска (на с. 81) за подписью Р. С. О., то есть редактор «Сына отечества».

36

Полевой перевел статью Варнгагена фон Энзо о трех первых томах посмертного издания «Сочинений А. Пушкина» (СПб., 1838), напечатанную в берлинском журнале «Jahrbucher fur wissenschaftliche Kritik» («Ежегодник научной критики», 1838, ч. 2, № 61–64). В обзоре «Летопись русских журналов» Полевой писал об этой статье: «Что касается до статьи Варнгагена о Пушкине, мы удивляемся, чем могла она обратить на себя внимание германцев. Мы поместили перевод ее в сей книжке «Сына отечества», как предмет для нас любопытный, но читатели наши сами могут видеть, что, несмотря на немецкую манеру выражаться, статья Варнгагена показывает самую неверную, самую превратную критику, односторонний взгляд на Пушкина и – решительное незнание русской литературы и русской истории. Мы передаем нашим читателям статью г-на Варнгагена, как... образчик упадка современной критики и философии в Германии» («Сын отечества», 1839, № 1, отд. IV, с. 44).

37

Речь идет о статье Полевого об учебных книгах И. И. Давыдова: «Чтения о словесности. Курс первый» (М., 1837), «Чтения о словесности. Курс второй» (М., 1837), «Чтения о словесности. Курс первый». Изд. 2-е (М., 1837) в «Сыне отечества», 1838, № 2, отд. IV, с. 106–138.

38

Белинский передает оценку Полевым «Курсов» И. И. Давыдова репликой Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (д. II, явл. 5).

39

Перечисленные Белинским статьи были напечатаны в «Сыне отечества» соответственно в № 1, 2, 3.

40

См.: «Отечественные записки», 1839, т. II, № 2, отд. VI, с. 42. В словах «предлог ~ часть речи» и «уничтожить ~ части речи» курсив Белинского.

41

В «Сыне отечества», 1839, № 2, отд. IV, с. 93–94. В цитате слова «сии» и «ибо» выделены Белинским.

42

В цитируемом тексте: «любезный» (без курсива).

43

Здесь и в предыдущей цитате курсивы Белинского.

44

Неточная цитата из «Оды на день восшествия на престол Елисаветы Петровны, 1746 года» М. В. Ломоносова.

45

Слова Наполеона из книги французского посла в Варшаве де Прадта «История посольства в Великое герцогство Варшавское» (1816).

46

Далее цитируется «Летопись русских журналов» Полевого («Сын отечества», 1839, № 2, отд. IV, с. 98–100).

47

Курсив Белинского.

48

Имеется в виду следующее место из сообщения «Сына отечества» (1839, № 3, отд. VI, с. 54) о переводе на немецкий язык романа Лажечникова «Ледяной дом» и об отзывах на него немецкой критики: «И не думайте, чтобы критиковал его какой-нибудь неизвестный писатель – нет! Сам Менцель изрекает ему приговор неумолимый и строгий! И в том же листке газеты Менцель не может нахвалиться романами Ф. В. Булгарина». Отношение Белинского к Менцелю см. в статье «Менцель, критик Гете» (наст. т.).

49

В рецензии на сборник «Сто русских литераторов», в котором был напечатан «Каменный гость» Пушкина («Сын отечества», 1839, № 2, отд. IV, с. 120–121).

50

Первое действие трагедии Шекспира «Ромео и Юлия» в первоначальном переводе М. Н. Каткова было напечатано в «Сыне отечества», 1839, № 1. Однако до этой публикации Катков успел исправить свой перевод и опубликовал пятую сцену первого действия пьесы в «Московском наблюдателе», 1838, ч. XVI, апрель, кн. 2.

51

О Гоголе см.: «Сын отечества», 1838, № 9, отд. IV, с. 58; о Марлинском – там же, 1838, № 10, отд. IV, с. 138 и 1839, № 1, отд. IV, с. 63–65, № 2, отд. IV, с. 122, № 4, отд. IV, с. 175. Статья Марлинского о романе Полевого «Клятва при гробе господнем» напечатана в «Московском телеграфе» (1833, № 15–18).

52

Переехав в Петербург осенью 1837 г., Полевой активизировал свою деятельность как драматург. Его казенно-патриотические драмы, сомнительного достоинства комедии и водевили были предметом постоянных критических (чаще всего иронических) замечаний Белинского.

53

Далее Белинский излагает свою точку зрения на Полевого, которую он развивал и в 1840-е годы: глубокое уважение к периоду работы в «Московском телеграфе» и, по контрасту, беспощадное осуждение Полевого за его журнальную и литературную деятельность в Петербурге, давшую Белинскому право утверждать, что «сам Полевой, этот богатырь журналистики, сам он только портит дело и добросовестно вредит ему хуже Сенковского», что Полевой «отстал от века, не понимает современности и сделался тем Каченовским, которого он застал при своем вступлении на литературное поприще» (письма к И. И. Панаеву от 26 апреля 1838 г. и от 22 февраля 1839 г.).

Строгий суд над Полевым как журналистом, литератором, критиком и ученым-историком Белинский произвел в статье «Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого» (см. наст. т.).

54

Суждения Полевого о Каменском см.: «Сын отечества», 1838 № 4 отд. IV, с. 163; 1839, № 3, отд. IV, с. 59.

55

См. прим. 27 к статье «Очерки русской литературы. Сочинение Николая Полевого».

56

«Revue Encyclopedique» (1819–1833) – влиятельный орган французских конституционалистов; издавался Марком-Антуаном Жюльеном де Пари. По своему типу и направлению «Энциклопедическое обозрение» Жюльена было близко «Московскому телеграфу» Н. Полевого.

57

Полевой в «Московском телеграфе» в 1820-е гг. постоянно боролся с «Вестником Европы» Каченовского, нападавшим на сентиментализм и романтизм.

58

В сентябре 1836 г. по распоряжению Николая I было запрещено образование новых общественно-литературных изданий (распоряжение действовало до 1856 г.). Поэтому в России получила широкое распространение практика перепродажи прав на издание уже существующих органов печати или сдачи их в аренду другому лицу. Так, П. П. Свиньин, издававший в Петербурге «Отечественные записки» в 1818–1830 гг. и получивший разрешение на их возобновление с 1839 г., в конце 1838 г. передал

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
журнал в аренду А. А. Краевскому, который стал его фактическим издателем и редактором. В обновленных «Отечественных записках» в 1839 г. критическим отделом заведовал бездарный критик В. С. Межевич.

59

Статья опубликована в «Отечественных записках», 1839, № 1, отд. VI, с. 1–34, как анонимная; ее автор – И. К. Гебгардт.

60

«Отечественные записки», 1839, № 3, отд. VI, с. 47–66.

61

В «Отечественных записках» (1839, приложение к № 5) статья была напечатана в переводе Каткова и называлась «Отзыв иностранца о Пушкине» (с. 1–36).

62

Восстановлено по цитируемому тексту.

63

Курсив Белинского.

64

Ирония Белинского, использующего полемический прием Пушкина (см. прим. 18 к «Журнальной заметке»). Нераздельное упоминание имен Ф. Булгарина и А. Орлова как романистов постоянно и у самого Белинского.

65

Автором поэмы «Борис Ульин» был А. Н. Карамзин, сын историографа. Белинского возмутило прощрение «Отечественных записок» бездарного, но имеющего высоких покровителей поэта.

66

Первая статья – «Обозрение мастерских русских художников» («Отечественные записки», 1839, № 1), вторая – «Мастерские русских художников (там же, № 2).

67

Особенность орфографии Белинского.

68

См. выше рецензию «Записки Александрова (Дуровой)…».

69

Суждение о «Бэле» целиком вошло потом в статью Белинского 1840 г. о «Герое нашего времени» (наст. изд., т. 3).

70

Образ мечтателя-художника и мечтателя-поэта Полевой нарисовал в повести «Живописец» (Аркадий) и в романе «Аббадонна» (Вильгельм Рейхенбах).

71

Очевидно, со слов самого Панаева, с которым Белинский в это время активно переписывался.

72

Из поэмы Хераскова «Россияда» (песнь 7, стих 10).

73

Стихотворение «В альбом» («долго сих листов заветных»).

74

Е. П. Ростопчиной.

75

В стихотворении Лермонтова «Не верь себе» Белинский увидел поддержку собственному отрицанию субъективизма в поэзии, отрицанию «лазаретной» поэзии (см. в наст. т. прим. 4 к рецензии на сборники «Кальян» и «Арфа» Полежаева). Эту точку зрения Белинский сохранил и позже. В статье «Стихотворения М. Лермонтова» (1841) он писал о стихотворении «Не верь себе», что «в нем поэт решает тайну истинного вдохновения, открывая источник ложного» (наст. изд., т. 3).

76

В цитируемом тексте: «Не верь, не верь себе, мечтатель молодой».

77

Курсив Белинского.

78

Белинский имеет в виду книгу: «Les Preludes, par M-me Caroline Pavlof, nee Jaenisch». Paris, 1839.

79

В письме к В. П. Боткину от 16–21 апреля 1840 г. Белинский так отозвался о данном месте своего обозрения: «Константин Аксаков наврал нам о божественных переводах К. К. Павловой – и вот мы развопились: я прокричал в «Наблюдателе», Катков проревел в «Отечественных записках», а Константин Аксаков пропел амольным тоном то же в «Отечественных записках». Славный стих, славные переводы – только перечеть их нет силы».

80

Продолжения обозрения периодики не последовало, так как на этом номере закончилось издание «Московского наблюдателя» за 1839 г. под редакцией Белинского (летом вышла только недоданная подписчикам в свое время вторая книжка

Русские журналы. В. Г. Белинский belinskiyvissarion.ru
за август 1838 г., прошедшая цензуру 7 августа 1839 г.).

81 Имеется в виду Полевой (см. выше, прим. 13).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://belinskiyvissarion.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!